

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА-

В. КОНДРАТЬЕВ:

В ОТВЕТЕ ЗА КАЖДОЕ СЛОВО

Когда немолодому уже писателю задается вопрос о его первой книге, подразумеваются, что ответ должен перенести нас на два-три десятилетия назад. Однако применительно к Вячеславу Кондратьеву этот вопрос из области будущего. Первая книга прозаика еще только готовится к печати. А литературный дебют его состоялся всего год назад, когда в журнале «Дружба народов» была напечатана повесть «Сашка».

Повесть о молодом парне, честно делавшем свою трудную солдатскую работу в самые тяжелые дни боев под Ржевом. Повесть о первом взятом им в плен фашисте, о первом ранении двадцатилетнего солдата, о первой любви. Повесть о юноше, в самых тяжелых условиях войны не теряющего ни своих принципов, ни своего достоинства.

Опубликованная повесть сразу получила хорошие отзывы таких мастеров военной прозы, как К. Симонов, Г. Бакланов, В. Быков... А читатели — и прошедшие войну, и знающие ее лишь по книгам, фильмам или рассказам отцов и матерей, — единодушно в своих письмах называли «Сашку» честным, талантливым и убедительным свидетельством подвига советского человека.

Вячеслав Кондратьев — высокий, худощавый человек с живыми темными глазами, лишенный всякой «писательской» солидности, говорит быстро, увлеченно, лишь иногда притормаживая речь, когда надо сказать «я», «мне»... Сразу появляется извиняющаяся улыбка. Человек скромный, как и его герои, в каждом из которых что-то от самого автора.

— Как рождался ваш, а теперь уже и наш «Сашка», Вячеслав Леонидович?

— Сразу после войны у меня возникла мысль написать что-то о пережитом. Но я ее отбрасывал. Был не уверен в своих способностях, во-первых. А во-вторых — то, что я воевал под Ржевом на небольшом участке, бои были тяжелые, безудачные для нас — как о них написать?

Кроме того, надо было как-то устроить свою личную судьбу. Литература по молодости была для меня таким делом, которое я никак не хотел связывать с материальной стороной жизни. Решил: надо получить какую-нибудь специальность. Неплохо рисовал и поступил в Полиграфический институт, стал художником-графиком.

Но мысль: ты должен писать, должен писать! — меня преследовала. И я почему-то начал писать пьесу. И не о войне, а о стройке. Получила она хорошую рецензию, но театрам я ее не предлагал, чувствовал ее несовершенство и слабость.

Наступили шестидесятые годы, когда в прозе заявили о себе Бондарев, Бакланов, Быков... Особенное впечатление произвела на меня баклановская «Падь земли» — я понял, что можно написать и о пяди земли, о кусочке своей войны. Я не представлял себя автором какой-то грандиозной эпопеи, но рассказать о том участке, где я воевал, где не было особенных героев и примечательных боев, но сражались, умирали и побеждали люди, я мог и хотел это сделать.

Кроме того, с течением времени война как бы захватила меня второй раз. Все вспоминалось очень подробно, ночами приходили ко мне ребята моего звзда, а просыпался я оттого, что прямо на меня падала бомба... Я стал разыскивать однополчан, но никого не смог найти, и пришла мысль, что, может, я один уцелел и тогда тем более должен рассказать о пережитом. Все, что вспомнилось, и легло на триста машинописных страниц, которые я назвал для себя «ржевской прозой».

Меня стало страшно тянуть под Ржев, на место первого боя. И вот я отправился туда, взяв с собой и рукопись. Вышел к бывшей передовой. И показалось, что не прошло двадцати с лишним лет после окончания войны. Кругом воронки, в них

ржавые каски, осколки... Присел на опушке, достал свою рукопись, перечитал несколько страниц и понял — написано не то. Написанное совершенно не соответствовало тому, что люди здесь пережили, что они совершили. Понял, что рукопись не удалась, и я оставил ее.

Почти десять лет понадобилось мне, чтобы найти грань между обычной беллетристкой и правдой в литературе. Сначала эта грань казалась неуловимой. Написал еще два рассказа — не получилось. Но в отчаяние не впал. Наконец в 74-м году родился образ солдата Сашки. Человека, которого я знаю, который мог бы быть моим другом. И когда характер героя определился, мне стало интересно, как поступит мой Сашка в той или иной ситуации. Потом уже пошли Сашкины дороги. Эти дороги, собственно, я прошел сам, раненый.

Готовая рукопись довольно долго лежала в редакции журнала «Новый мир». Но я не особенно переживал. Мне важно было выплеснуть то, что накопилось. Я почему-то был уверен, что все равно это будет напечатано. Не звонил, не напоминал.

В семьдесят восьмом году я послал рукопись в «Дружбу народов», где она и была напечатана во втором номере за семьдесят девятый год. Тут я обязан сказать и об огромной помощи Константина Михайловича Симонова, и о добром отношении к рукописи никому не известного автора со стороны главного редактора журнала Сергея Алексеевича Баруздина. Без них рукопись, возможно, еще долго не увидела бы света.

Наверное, следовало начинать раньше. Но зато теперь я знаю точно, о чем и как писать. Раньше я, может быть, пошел бы на какие-то компромиссы, теперь нет. Вот в чем, как мне кажется, преимущества такого позднего вхождения в литературу.

После «Сашки» я стал писать в уверенности, что получается что-то. Не успевал закончить одну вещь, подпирала другая, еще одна... Появились новые рассказы из «ржевского» цикла, повесть «Борькины пути-дороги», тоже о солдате, воевавшем под Ржевом и попавшем случайно в плен, из которого дважды бежал и наконец-то вышел к своим («Знамя»). № 2 за этот год). Теперь у меня жизнь проходит в очень напряженной работе, о многом еще надо рассказать.

Сейчас получаю очень большую почту, многие присылают свои рукописи, и почти на каждой странице нахожу что-то новое, то, чего я не знал о войне. В каждом письме то, чего не выдумаешь. О многом еще не написано!

Виктор Астафьев как-то высказал надежду, что кто-нибудь напишет о запасных полках. Эти полки были в особых, очень тяжелых условиях. А женщины на войне, их судьбы? Судьбы женские складывались и труднее, и драматичнее наших мужских, тоже нелегких. Написано о женщинах на войне очень мало. Так что «белых пятен» в литературе о войне очень много.

— Но «белых пятен» много не только на этой карте.

— К сожалению, наверное, это так. Думается, что писателям старшего поколения не удалось полностью отразить свое время. Во всяком случае, отразить так, как это сделала русская литература прошлого столетия. Бла-

годаря ей наша жизнь продлена в прошлое. Лично у меня такое ощущение, что я жил, начиная с эпохи Пушкина, настолько известна мне общественная жизнь века, его события и люди.

Сейчас много думаю о послевоенном периоде — конца сороковых и начала пятидесятых. Время было очень сложное. Люди пришли с войны, долгой и тяжелой, отнявшей много сил — и физических, и духовных, и тут перед ними вставала задача — найти себя в мирной жизни. Не для всех этот путь был простым и безболезненным. На моих глазах прошло несколько по-настоящему трагических судеб. И это только в узком кругу людей, которых я близко знал, — моих одноклассников, моих однополчан. Наверное, буду писать об этом времени.

Хочется рассказать и о поколении наших отцов. На их долю выпало еще больше испытаний: первая мировая война, революция, война гражданская, коллективизация и первые пятилетки... Это было время полной перестройки жизни целого поколения, ломки судеб, характеров. Об этом написано, но надеюсь, что удастся сказать что-то новое.

— Вы назвали несколько возможных тем для будущей работы. Какую же все-таки выберете?

— Мне кажется, к теме приходишь не раздумом, а душой. Когда наболело уже, когда тебя начинает жечь — вот тогда что-то получается.

— Сейчас ваши произведения активно экранизируют и инсценируют. Что дало вам общение с театром и кино?

— Действительно, «Сашка» как-то сразу привлек внимание кинематографа и театра. Но я инсценировать «Сашку» категорически отказался, считая, что вряд ли выйдет что-то путное. В этой повести много быта, много деталей, и в условиях театра потери будут слишком велики. Потом театр заинтересовался еще не опубликованной повестью «Отпуск по ранению». Мне показалось интересным сделать драму на моральную тему, фоном которой служила бы Москва военных лет. Я взялся за эту работу, и сейчас пьеса «Отпуск по ранению» идет в Театре на Малой Бронной, в Ленинградском молодежном театре и в Саратовском театре драмы имени К. Маркса. Общение с театром очень интересно. Видишь воплощенным на сцене в живом человеке своего внутреннего героя. Поначалу это просто поражает, но потом порой и огорчает, так как не всегда актерам удается глубоко проникнуть в характер и внутренний мир моих героев — людей военного поколения.

Иногда мне говорят, что зря распыляюсь, что надо бы заниматься одной прозой. Говорил мне об этом и Алесь Адамович, но, посмотрев ленинградскую постановку «Отпуска по ранению», вроде бы изменил свое мнение, что меня, разумеется, очень обрадовало.

А «Сашку» снимает на «Мосфильме» режиссер В. Сурин. Тот отснятый материал, который я видел, мне нравится. Режиссер очень ответственно подошел к показу фактуры, обстановки места действия. Меня буквально пронзило воспоминаниями, когда я приехал на место съемки и увидел восстановленную в деталях передовую тех военных лет. Очень хорошо подобраны актеры, почти все молодые.

Сейчас я написал короткую, на одном дыхании пьесу на тему, которая давно меня мучила. Называется она «Всего одна ночь». Там нет войны как таковой, но она присутствует, она в атмосфере пьесы. Не хочу рассказывать ее содержание, надеюсь, вскоре зрители смогут ее увидеть в Ленинградском молодежном театре.

Таким образом, получился некий круг: начинал я с пьесы в 50-х годах и опять пришел к драматургии.

Беседу вел

Ю. АЛЕКСАНДРОВ.